

Уважаемые читатели!

Первый номер «Историко-биологических исследований» за 2012 г. посвящён истории прикладной биологии в её взаимодействии с хозяйственной деятельностью человека. История наук о жизни, не только у нас в стране, но и за рубежом, до последнего времени писалась преимущественно как история фундаментальных исследований, прежде всего — история зарождения и развития отдельных дисциплин. Этот подход, уходящий корнями в те времена, когда сами биологические науки ещё только формировались как самостоятельные области познания, безусловно, был связан потребностью этих наук и практикующих их специалистов в признании своего права на независимое существование в рамках европейской системы университетского образования — права на свободу преподавания и исследования. Историческая оправданность такого взгляда на прошлое наук о жизни не нуждается в дополнительном обосновании. Однако любое завоевание неизбежно требует жертв. К таким потерям следует отнести известное пренебрежение историков науки к прикладным исследованиям и тем институтам и центрам, в которых эти исследования развивались. Между тем недостаточное внимание к этой проблематике порождает у некоторых современных науковедов упрощённое представление о том, что лишь в конце XX в. наука достигла принципиально нового уровня развития, на котором будто бы сметаются все дисциплинарные барьеры, исчезает необходимость в существовании самостоятельных постоянных научно-исследовательских центров, а тематика исследований диктуется не внутренними потребностями развития самих наук, а запросами «реальной жизни» — потребностями производства, актуальными проблемами взаимодействия человека и окружающей среды и т. п. Несостоятельность этого тезиса очевидна историкам науки, но его популярность среди тех, кто сегодня определяет научную политику не только в России, но в Европе и мире в целом, заставляет нас, как профессионалов, ответить на вызов времени и обратиться к истории взаимодействия наук о жизни и производственной эксплуатации человеком биологических ресурсов планеты.

Настоящий номер «Историко-биологических исследований» продолжает разговор, уже начатый в четвёртом номере нашего журнала за 2010 г. Мы очень рады, что к участию в обсуждении нам удалось привлечь зарубежных коллег.

Статья М.В. Лоскутовой посвящена дискуссии о воздействии леса на климат и водный режим, разгоревшейся в России в 1830—1840-е гг., то есть в тот период, когда прикладной биологии как таковой ещё не существовало, а соответствующие вопросы обсуждались в категориях камеральной статистики и натурфилософии. Основное внимание в работе уделено проблеме экспертизы и экспертного знания: каким образом в этот период решаются вопросы, связанные с использованием природных ресурсов и требующие специальных познаний, выходящих за рамки обыденного опыта? Кто и почему считается экспертом в этой области? Что составляет содержание экспертного знания, какими концептуальными категориями оно оперирует? Автором подчеркивается значимость центральных государственных органов Российской империи как институциональной инфраструктуры экспертного знания.

В работе П. Дашкевича, Т. Самойлика и М. Красиньской рассказывается о малоизвестных экспериментах польского помещика и натуралиста Леопольда Валицкого

по гибридизации зубра и крупного рогатого скота в 1840–1850-е гг. Авторы показывают потенциальную международную значимость этих экспериментов в контексте развития теоретических идей эволюционной биологии того времени — их связь с такой ключевой для науки XIX в. проблемой, как проблема вида и его границ. В то же время исследователи ставят чрезвычайно интересный вопрос о том, какими факторами обусловлено международное признание (или непризнание) научных результатов.

Статья А.А. Федотовой продолжает разговор о влиянии прикладных задач на формирование научных дисциплин, определение приоритетных направлений исследований, используемые понятия и концепции. Интерес представляет тезис об особой роли учреждений-патронов прикладных биологических дисциплин и их политики в сфере управления природными ресурсами. Так, в условиях Российской империи задача инвентаризации природных ресурсов и составления земельного кадастра в значительной степени обусловила круг проблем и понятий отечественной геоботаники конца XIX — начала XX в.

Работа С. Брейна возвращает читателя к истории лесного хозяйства и лесохозяйственной науки в России. На этот раз речь идет о подготовке и последствиях печально известного закона 1951 г. «О заповедниках». Обращаясь к архивным источникам, автор предлагает пересмотреть сложившуюся в литературе трактовку этих вопросов. Интересно, что в центре внимания снова, как и в статье М.В. Лоскутовой, оказывается межведомственный конфликт, разворачивающийся на почве конкурирующих подходов к управлению биологическими ресурсами и их эксплуатации. Вероятно, это обстоятельство связано с особой ролью государства и его структур в истории российской науки и российских практик природопользования: невозможность или ограниченность публичной политики приводит к тому, что неизбежно возникающие разногласия среди специалистов переносятся внутрь государственного аппарата. Статья С. Брейна заставляет также задуматься о том, какие изменения претерпела за последние десятилетия в России и в мире сама концепция «охраны природы» и как эти изменения влияют на современную историографию вопроса. Если в 1950-е гг. под данным понятием в первую очередь подразумевалось сохранение крупных позвоночных животных и высших сосудистых растений, то сегодня речь идёт о «сохранении биоразнообразия» — всего спектра видов, включая грибы, лишайники, почвенную флору и фауну. Поэтому то, что в 1950-е гг. казалось незначительной жертвой хозяйственным интересам человека, современными специалистами может расцениваться как катастрофа.

Наконец статья Х.Л. де Винтер посвящена тому, как писалась и пишется история прикладных наук, — в данном случае история почвоведения в англоязычной литературе. Автором ставятся очень важные вопросы: как соотносятся между собою когнитивный и социальный подход в истории науки, в какой момент инициатива в изучении прошлого какой-либо дисциплины переходит от самих специалистов в этой области к историкам науки, как и почему к истории науки обращаются историки, занимающиеся другими проблемами, связанными с взаимодействием человека и природы. Особое внимание в работе уделяется как раз тем публикациям, которые, как правило, остаются совершенно неизвестными российским историкам науки, — исследованиям, написанным в рамках социальной истории и экологической истории.

Мы надеемся, что этот номер нашего журнала вызовет интерес у читателей, а поднятые вопросы послужат приглашением к дальнейшему обсуждению.

М.В. Лоскутова, А.А. Федотова